

Владимир Дивинский

Дождь в полночь

Владимир Алексеевич Дивинский

Дождь в полночь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22033766

ISBN 9785448333453

Аннотация

Мир рухнул в пасть ядерной войны и выбрался из нее, изменившись и потеряв все. Под вечным дождем медленно убиваемый наркотиками и болезнями мир, где человеческую личность хоронят из политических соображений, продолжает существовать. В книге рассмотрено несколько судеб, которые непрерывно что-то меняют вокруг себя. А может быть — не меняют ничего?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	22
Вечерняя Фемида	24
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	44
Глава 13	48
Глава 14	52
Глава 15	55
Глава 16	60
Глава 17	63
Глава 18	66
Глава 19	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Дождь в полночь
Владимир Алексеевич
Дивинский

© Владимир Алексеевич Дивинский, 2016

ISBN 978-5-4483-3345-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Лил дождь – лил не по детски, сплошной серой, непроглядной пеленой. Всё американцы со своими экспериментами. Обещали идеальную погоду для ведения сельского хозяйства – дали отличный климат для разведения лягушек...

По дороге – хотя скорее это была длинная лужа размокшего асфальта – двигался бронированный черный автомобиль с правительственными номерами. За ним тащилась, отчаянно хлюпая, вооруженная до зубов колонна. Правда те, кто были вооружены, выглядели вяло – бледные скелеты, обтянутые формой и кожей. Все как один, отравлены радиацией, токсическими отходами, и ещё бог знает чем. Каждый рядовой имел букет генетических и онкологических заболеваний, но не имел денег и звания, чтобы купить респиратор, очищающий вдыхаемый воздух...

Сквозь пелену дождя показались очертания города. Серые безвкусные здания, покрытые плесенью, громоздились, казалось, один на другом, не желая уступать друг другу в чудовищной борьбе. И – глубокое смрадное облако, выпускаемое группой военных предприятий «Партия» занимающихся производством химического оружия.

Господин губернатор города Москвы надел респиратор и вставил новые фильтры с ионами серебра – поистинне бесценную вещь, стоящую примерно шесть миллионов евро.

Сквозь стекла машины были видны грязные ободранные палатки, ютящиеся в переулках между огромными зданиями, предназначенными Прилегированному Классу Населения – ПКН. В коробках с очистными установками в каждой стене жил высший класс – директора, чиновники и военные званием от лейтенанта до генерала. В бетонных гробах чуть ниже высотой, с классическими фильтрами в вентиляции жил класс поменьше – рабочие, клерки, библиотекари и прочая шваль. В палатках, напоминая крыс, сдыхая и корчась от вирусов, ютились «плебеи» – государственные преступники, уборщики, бедные эмигранты, демобилизованные, инвалиды и нищие. С ними постоянно велась отчаянная война. Увозили в тюрьмы, приюты, особо опасных просто расстреливали на месте. Гетто же отвечало почти регулярными ограблениями банков, магазинов, кражами медикаментов.

Вот и сейчас перед машиной встала группа людей, одетых в рванье, с глубокими шрамами и язвами на теле от болезней с самодельными транспорантами в руках, сделанных из подручных материалов.

Взгляд губернатора упал на лозунг, выписанный куском кирпича на автомобильном капоте:

Не Убивай Наших Детей!

– Я приказываю вам немедленно отойти от машины! В случае неповиновения вы будете расстреляны без суда и следствия!

– А пошел ка ты на *** – довольно громко произнес страшный, похожий на мертвеца парень, одетый в кусок залатонного пододеяльника.

– У вас есть десять секунд на то, чтобы разойтись! Один!

...

Губернатор никогда в жизни таких глаз. Это были красивые, запавшие глаза, не понимающие – почему я стою здесь под дождем, когда человек, ничем не отличающийся от меня, потеет в своем шикарном смокинге в бронированной машине? Почему?

Этот вопрос жег губернатора каленым железом. Он благодарил бога за то, что его не видно из тонированных стекол, и эти взгляды не смотрят прямо на него, а шарят, шарят по машине, отыскивая его, отыскивая того, кто отнял все, и собирается забрать единственное хорошее, что осталось в их существовании – жизнь...

Губернатор хотел броситься к стеклу, заколотить по нему кулаками, закричать что нет, не надо, не надо умножать то зло, которое уже причинило Московское правительство, не надо пополнять список убитых за годы существования новой политики ещё на четыре фамилии...

8...

– Нет!!! Пожалуйста!!! Не надо!

Не убивай наших детей!

Губернатор! Верни хлеб!

Мы знаем где ты! Спаси нас!

9...

– Вы не можете!

– Вы... Не-е-ет!

– Твою маать!

– Руки! Отпустите Руки! Я не хочу! Нет! не хочу!

10.

Выстрелы. Звуки падающих тел.

– Слава Президенту!!! Слава новому режиму!!! Да здравствует новый правитель!!!

Губернатор согнулся, достав из кармана платок и приложив его к губам. Губернатору было дурно.

Автомобиль двинулся. Стали слышны звуки тел, которые давили колесами и мешали с грязью...

– Пакет... Господи помилуй, Сеня! Дай пакет!!!

Молчаливый телохранитель протянул пакет. Губернатора тошнило долго и сильно.

Глава 2

Губернатор сидел в глубоком кресле с высокой спинкой и медленно опустошал графин с невероятно редким, существующим в единицах напитком – водкой. Губернатору было страшно. Он до сих пор не мог оправиться от того, что увидел вчера.

А перед губернатором лежали бланки – белые, чистые бланки с парой машинописных строчек и кое-где заполненных вручную президентом судебного отделения сената Российской Республики.

Прошение

О расстреле гражданина Н-ского

По причине поимки оногo в баре «Русская Звездочка» во время рассказа анекдотов политического содержания. При допросе гражданин Н-ский подтверждение своей вины дать отказался.

Предупреждение: Данное прошение может быть приведено в исполнение только после подтверждения в виде подписи Великого губернатора города Москвы Зуйкова Андрея Матвеевича.

Слава Президенту

Слава новой политике и режиму.

И десятки, десятки, десятки таких бланков валялись сейчас на столе Зуйкова. И что самое страшное – не дать добро

было нельзя.

Если бы он опровергнул хоть один приказ, поступаемый от Высшего отделения Сената, а значит и от самого господина Президента, то он бы немедленно слетел со всех своих полномочий. А что могло ждать его потом – об этом нельзя было думать без ледяного холода, пробежавшего по жилам.

И доказательство этого он увидел сегодня, на улице Московской революции. Тот парень в рубашке сделанной из пододеяльника был дипломатом Московского Совета. Когда-то к нему обращались не иначе как Господин Владимир Стрельников. Он агитировал. Проповедовал новый надвигающийся режим народу, так как сам непоколебимо в него верил. Но однажды ему пришел бланк. Из верховного Совета часто приходят разные Бланки. И в Бланке было сказано, что нужно в своих проповедях обложить вражескую страну. Говорить, что только из-за фашистов этой вражеской страны происходят все беды в стране. Что все наркотики, алкоголь и дешевые сигареты идут оттуда, а вовсе не из Питера, где в подвалах на самом деле расположены драм-кружки.

Но Стрельников не смог. И расписался в графе «отказ»

А потом – как-то незаметно исчез. И сегодня, под огнем армии родной страны, кончил свою жизнь, рухнув в грязь города Москвы.

В него попала пуля. И он наконец-то перестал дрожать, бояться, задавать вопросы, пытаться бороться с Верховным отделением Сената.

Пуля. Вот лучшее лекарство от стресса. От нервных людей. Ну и не только пуля. Вообще – Смерть.

Свидетельство о смерти

Губернатора Андрея Матвеевича Зуйкова.

Примерно в 6 вечера пятнадцатого сентября 20** года

Был найден с пулевым ранением в виске.

В руке обнаружен пистолет «Desert eagle»

Из которого и было совершено самоубийство.

Тело убитого погребено на правительственном кладбище города Москвы.

№ могилы: 2040453

Слава Президенту

Слава новой политике и режиму.

Глава 3

Ещё ни одному человеку, не приближенному к Господину Президенту, не удавалось проникнуть ни на одну из его дач. Если какой-то гениальный лазутчик и смог бы как-то преодолеть три охранные стены и остаться незамеченным автоматчикам на вышках, то он точно бы заблудился в лабиринте коридоров любой из президентской дач, и всего лишь за несколько секунд блуждания был бы пойман десятком крепких парней с немецими собаками на поводке.

Если же этот лазутчик каким-то невозможным способом попал в маленький коридор, ведущий в комнаты Господина Президента, то он все равно не смог бы догадаться, в какой из девяти спален действительно спит Господин президент, а в какой бдят пятеро вооруженных до зубов охранников.

И вот сейчас, уже безнадежно промокнув под дешевым плащом, в старом потертом респираторе в нерушимую крепость президентской дачи пытался пробиться плюгавый человечек лет 20. В решетчатое окошечко ворот окоченевшей рукой он совал какую-то бумажку, уже сильно разбухшую от льющейся с неба воды.

Посторонних было разрешено пускать только при присутствии лейтенанта, а он во время прихода незнакомца был занят другими, более важными делами – а именно пил сворованное шампанское с молоденькой секретаршей в комнатен-

ке, где лежали швабры и щетки для мытья пола.

Когда лейтенант все таки добрался до охранного кордона, то сначала долго вертел в руках бумажку, поданную незнакомцем, затем потратил ещё пол часа на разбор размытых водой подписей. Только после этого незнакомец, которого звали Михаил Ковалев был пропущен через все пять стен, опытным человеком в форме проведен через хитроумную сеть коридоров, и с помощью условных паролей был впущен в одну из девяти спален.

Михаил чуть приоткрыл дверь, примерно на расстояние, сквозь которое могла пройти маленькая собачка, сам протиснул в это расстояние свое хилое тельце и заискивающе произнес:

– Господин Президент!

В темноте спальни он не мог увидеть четких очертаний господина Президента, но был смутно был виден силуэт Великого Лидера, работающего за столом спиной к двери. В эту ночь ему не спалось по причине внезапного запора.

Президент нехотя повернулся.

В небольшой книжонке в мягком переплете «Отец нового режима» было сказано что «Лицо президента похоже на лики древних античных статуй». В действительности же лик президента напоминал кабанье рыло. Причина избыточных киллограмов и слишком большого количества подбородков объяснялась постоянными банкетами в честь нового Вождя. В итоге лицо президента оказалось так обезображено доро-

гими напитками и богатой едой, что его на заседаниях пришлось заменять красавцем дублером.

Президент громко отрыгнул и просипел:

– Заходи.

Михаил просунул в щель оставшуюся часть тела и оказался в просторном кабинете. На стенах – ни одного портрета Господина Президента, что неоднократно доказывало его лучшие чувства и то, что он непрестанно думает о своем народе и не страдает тщеславием. На полках с книгами – Маркс, Энгельс, и другая политическая литература – бесценные экземпляры, которых осталось после войны всего несколько единиц.

Михаил был человеком твердым, и поэтому даже перед обожествляемой личностью – президентом не стал мямлить, достал из чемоданчика бумаги и приступил к разъяснению.

– Как вам наверное известно, народ бастует по всей стране. В беспорядках убивают огромное количество невинных людей и представителей полиции и силовых ведомств, а рост трущобных районов приводит к постоянному увеличению преступности. Причина забастовок – генетические болезни, слишком высокие цены на...

– Абсолютно легализованные цены. Нормальные.

Ну да, да, так вот, генетические болезни и... ещё ряд причин. В лабораториях наших институтов мы нашли гениальный вариант прекращения беспорядков и преступных актов.

– Ну и какой? – Президенту было явно скучно.

Как мы знаем, мозг человека имеет сектора, которые отвечают за определенные функции. Целое полушарие мозга отвечает за нестандартное мышление, умение выходить за рамки установленных правил. И это полушарие – наш главный враг! Ведь человеку можно отдать приказ, будучи уверенным в выполнении только если ты сам имеешь какую-либо репутацию, или же вы назначите за невыполнение приказа какую-то казнь. Но даже это не останавливает народные массы, находятся индивиды, которые противостоят установленным нормам. Какие бы законы вы бы не устанавливали, какую систему управления не воздвигали, все равно из серой швабы выйдет человек и все разрушит! Именно это проблему мы и решили, и отобрали в этой формуле – Михаил потряс каким то мятым листом.

Президент заерзал и наконец-то одарил своим взглядом ученого.

– Химикат, который бло-ки-ру-ет функции одного из полушарий мозга, лишая человека всякого свободомыслия, всякого неповиновения, нестандартного мышления, личности! Повиновение же войдет в список физических потребностей человека, станет первой необходимостью! Возникает проблема – раз новый тип людей может только повиноваться, то человечеством должен кто то командовать, постоянно отдавать приказы, благодаря которым новейший человек сможет жить? Для этого наше програмистическое отделение за 10 лет изготовило настоящего электронного гиганта

мысли – Санни, основная задача которого – запрограммировать жизнь повинующегося общества в целом, и для каждого члена этого общества – в отдельности. Как он будет отдавать приказы? С вашего разрешения мы запустим в продажу небольшие лингафоны – продавать будем недорого, даже самый последний человек сможет его приобрести. А бездомным – будем раздавать бесплатно. Далее – мы рекламируем эти лингафоны. Говорим, что они подключены к сотовой сети абсолютно бесплатно. И миллионы людей станут по ним звонить, то есть вставят их в уши! Затем мы введем в их мозг тот самый химикат отключающий неповиновение под видом вакцины от одной из самых распространенных генетических болезней. Через несколько часов начнется его реальное действие и мы активируем Санни, который начинает отдавать распоряжение всем, каждому человеку, принявшему химикат.

Новому типу людей уже не нужны будут хорошее управление, искусство, нормальные условия для жизни. Мы получаем дешевую, безропотную рабочую силу, делающую любую работу абсолютно без угрозы для бунтов.

– А не боишься... – президент ухмылялся своим невероятно огромным ртом – что мы тебя же первого, этой вот штукой...

Лицо Михаила побелело.

Он должен сделать это... Должен.

Одним прыжком до этого кажущийся щупленьким лабо-

рант перемахнул через президентский стол, взмахнул рукой в черной перчатке, и одним ударом сбил господина президента с ног. Затем наклонился, вынул из серебрянной коробочки тонкий шприц и вонзил великому вождю в голову.

– Практически, вы не поменяли своего состояния. Как были бараном – так и останетесь. Только теперь вы будете в стаде.

И он вставил в ухо президента ярко-оранжевый лингафон.
– Для вас – специальная версия.

Лингафон вдруг ошестинился несколькими острыми шипами и вонзился президенту в ухо. Тот тяжело и глухо застыл.

Лаборант же, ударив его в шею рукояткой тяжелого пистолета произнес:

– Пока полежите. Через некоторое время вы присоединитесь к абсолютно новому обществу. Вот только править им будете не вы.

Глава 4

Дублер Господина Президента Вячеслава Сиромахи Игорь Расторгуев бежал по городу, когда то принадлежавшего ему. За ним гнались несколько мужчин в респираторах, тканевых масках, скрывавших лицо и черных спортивных костюмах.

Странно однако переворачивается режим, думал Игорь – ни шума, ни писку. Не то что в былые времена – грохот, пальба, баррикады, музыка... А сейчас просто растаскивают членов старой власти и убивают.

Началось все с того что он зашел в кабинет Вячеслава, и застал его оглушенным молодым лаборантом, державшего в руках пистолет. Тот выстрелил в Игоря, попав в левую руку, так как Игорь успел увернуться от смертельного ранения.

Затем он как был, в туфлях с высоким мужским каблуком, узких брюках и пиджаке выбежал на улицу, на ходу застегивая респиратор. Из машины, на которой подъехал лаборант, на него бросились четыре крепких парня описанных выше.

Сейчас погоня шла перед забором химического завода «Партия» Игорь непослушной рукой наконец-то достал из кармана дамский револьвер и выстрелил. Один человек кряхтя пробежал ещё несколько метров, и, подкосившись, рухнул в толстый слой грязи.

Грязь, думал Игорь. И снаружи, и изнутри всю страну,

весь мир покрывает толстенный слой грязи. И больше ничего нет. Душа, совесть, исчезли, остались только метровые слои грязи и крови и борьба за кочку под солнцем. Вот такой образ современного человека.

Стрельба дала возможность четырем незнакомцам настигнуть Игоря и свалить его с ног. Затем вдруг очень сильно, до потери сознания, заболела голова. Потом, кажется, ему что-то вставили в ухо.

Все кончено, подумал он. Опять надвигается новая политика. Что было всего лишь за пару сотен лет? Тоталитаризм, демократия, опять тоталитаризм, диктатура. А что сейчас? Интересно...

Игорь спокойно закрыл глаза. Уже не было сил бороться. Очнулся он в собственном кабинете.

Глава 5

Максим вышел из палатки, потянулся, и поковылял на искривленных болезнью ногах к колонке с вонючей водой.

День за днем были абсолютно одинаковыми. Он просыпался, выходил из палатки, мочился, харкал, потягивался, шел за водой, дрался за место в очереди, проигрывал, все таки набирал ведро воды, ковылял обратно, умывался и совершал ещё десятки подобных незначительных действий.

Но сегодня на дороге к колонке между двумя фанерными сараями припарковался грузовик, раскрашенный в ядовито яркий желтый цвет. По бокам машины было написано на трех языках:

Бесплатные телефоны
безкоштовні телефони
Free phones.

А перед машиной стояла непривычно тихая очередь – никто не дрался за места и по каким то другим поводам, а смиренно стояли и ждали, когда холеный человек выдаст им небольшую коробочку того же тошнотворного желтого цвета. В коробочке, как уже выяснил Максим, лежал маленький черный аппаратик с бесплатной сотовой связью, с помощью которого можно звонить друзьям и близким.

Весь оставшийся день Максим разговаривал со своей сестрой, живущей в соседнем районе, и которой он изредка

присылал деньги. Потом выяснял номера своих родственников, стараясь никого, даже дядю Матвея, не забыть. Максим ещё никогда не был так доволен, ведь вместе с лингафоном выдавалась ещё и миска бесплатной похлебки.

Интересно, стал ли все-таки мир добрей? Наверное, да – думал Максим, растирая кривые ноги.

Глава 6

На красочном заводе – спец-задание. Поручено намалевать сорок агит-плакатов, рекламирующих новую вакцину от ретеолита – одной из самых страшных болезней в стране. Партии, которая выполнит заказ раньше других получает вакцину бесплатно.

На транспорте должно развеяться трехцветное знамя, улыбаться Игорь Расторгуев и держать в руках длинный шприц с серой жидкостью. Внизу должна была идти надпись

Герои труда, нищие и бездомные получают вакцину от ретеолита бесплатно!

Слава Президенту!

Слава Политике и Режиму!

Все на борьбу с гниющей волной гангстеризма!

Чернорабочий Василий растирал синюю краску. Ему было плохо. Он задыхался. Лицо его было в пыли от красок всех цветов и оттенков, поэтому кожа приобрела светло-коричневый цвет. Кое-где возвышались бугры генетической болезни, порожденной радиацией и отсутствием респиратора.

Он был офицером. Ветераном первой войны. Из тех, кто кричит «В атаку!», но сам продолжает сидеть в бункере с трехметровыми стенами. Вернулся, неся на груди больше пятнадцати медалей.

А потом начался новый режим. Все медали, одна за другой, ушли в ломбард. Военные брюки пошли на портянки и чтобы затыкать щели, из которых дуло. Сапоги с заломом съели крысы. Жена не вернулась со смены, а Василий не знал ничего, кроме пары глав учебника по тактике.

А на второй войне уже не было рядовых, офицеров, пи-
столетов. Были только цели, боеголовки и наводчики. И их город стал целью. Василия не допустили в бункер – все документы он загнал на черном рынке. И вот он как все, с противогазом довоенного времени залез, как холерная мышь в подвал а вылез уже на до корня разрушенные улицы, присыпанные тлеющим пеплом. А его друзья, умевшие не только маршировать и надувать щеки на заседаниях, пили шампанское в убежищах с музыкой и девочками.

Годы шли. Воздвигался тоталитаризм. Москву строили заново. Все шли на заводы и на строительства, или же заматывали лица платками и шли грабить честных людей. Василий еле еле пробился на покрасочный завод и вот уже три года тер краску и подметал цех вместе с другими неудачниками, среди которых были два академика и один чиновник.

Василий, сам того не замечая, вдруг принялся напевать «Марш павших». Вдруг сверху заорали, что то грохнуло. Мозг Василия затмило багровой пеленой, глаза залило болью, и он рухнул навзничь.

Транспорант забраковали, так как он был весь забрызган кровью. Артель №12 отчаянно материлась.

Вечерняя Фемида

Сегодня, в 9—00 вечера на заводе лакокрасочных матеиалов и крашенных изделий имени Великого N случилась трагедия – одна из потолочных балок обрушилась, погребя под себя несколько человек.

Данный инцидент произошел несомненно из-за преступной халатности самих рабочих.

Слава Президенту, Политике, Режиму! Все на борьбу с незаконными эмигрантами!

Глава 7

Арбатские трущобы спешно вооружались. Сдирали брезент с пирамид контрабандных винтовок, выкапывали ящики с патронами. Посреди грязного переулка на наспех сваленной из обломков трибуне раскачивался худой черноволосый человек в джинсовой куртке, со странным символом на спине.

– Мы изменим мир к лучшему! Долой правительство!

В общем-то вооруженные забастовки были в трущобных районах частой вещью, но такие масштабы они приобрели впервые. Кидали «Молотова» в магазины окраина и пригород. Избивал полицейских Центр. А сейчас обматывался патронташами Арбат. И везде мелькали пареньки в грязных джинсовых куртках с нарисованных на спинах гербами: рука, сжимающая кинжал и надпись внизу – «Кровавый закат» От самого названия веяло предсмертным адреналином и безнадежностью...

По всем помойкам, гаражам, переулкам, заброшенным торговым центрам раскатился вой. Тут же черная толпа повалила на большие освещенные улицы. Впереди бежали несколько человек с «Кровавым закатом» на спинах, только теперь лица их были замотаны какими-то тряпками, глаза скрывали погнутые очки.

У этих детей нового режима уже не было здравого смыс-

ла и инстинкта самосохранения. Это была просто самоубийственная операция, чтобы наконец-то перестать влочить свое вонючее существование и погибнуть, хоть как-то напоминая самому себе о благородстве...

Вынесли витрину винного магазина, Случайно напоролась на осколки несколько человек. Все мгновенно залило вином и кровью. Алкоголь убил последние мысли о жизни и окончательно разъярил. Хмельная толпа с воплями двинулась вперед по центральным кварталам Арбата. Избивали граждан, переворачивали автомобили, выбивали окна. Человек в джинсовке ясно видел как толпа, не глядя, растоптала какого-то чиновника в сером пальто.

Через несколько десятков метров Арбатовцы присоединились к бунтующим рабочим Лако-красочного завода. Те везли за собой отобранный в бою прицеп с дешевым химическим пивом.

В хлам пьяные, потеряв несколько десятков человек, толпа смяла и похоронила под собой первый отряд спецназовцев, посланный на блокировку.

К бунтующим все подтягивались. Здесь можно было увидеть бандитов-националистов из Центра, бездомных всех мастей, рабочих со всех заводов, кроме предприятий «Партия» (там за любой вид правонарушения отрубали по пальцу на фрезировочном станке, с особо опасными обходились ещё проще – просто кидали в бак с отходами) После бастующих не оставалось ничего кроме трупов и обломков.

- Слава «Кровавому закату»!!!
- Долой ПКН!!!
- Нормальные жилищные условия народу!!!
- Сбросим Расторгуева!!!

А на соседней улице уже громыхали пуленепробиваемыми щитам спецподразделения полиции. Через секунду туда вывалились бастующие. Началась резня – всех участников забастовки приказано было казнить без суда и следствия.

Одного из людей в джинсовке сбили с ног и приставили к голове автомат. Тот немедленно вытянул из нагрудного кармана купюру крупного достоинства. Дуло, немного подумав, опустилось.

– Ладно, беги пока. Только больше мне не попадайся – произнес спецназовец, пряча купюру. Революционер, пока тот не передумал, скрылся за углом дома.

Неожиданно на крыше появился какой-то человек с мегафоном в руках. Послышался голос:

– Просим вас прекратить сопротивление! Я послан сюда с мирными намерениями. Отряды №14 и №18! Приказываю опустить оружие! Я имею на указания все полномочия!

Спецназ после почти десятиминутных размышлений уткнул в землю автоматы. Воспользовавшись этим, бастующие повалили на землю несколько солдат.

– Чтобы прекратить забастовки, мы предлагаем вам в качестве смягчающих реформ абсолютно бесплатную вакцину от ретеолита! Также будут введены новые графики разда-

чи еды бездомным, а для рабочих уже заложили фундамент нового квартала с квартирами и хорошими очистительными сооружениями!

Человек говорил долго. Толпа все более обрадовано гудела. А затем встала в очередь для получения записи на вакцину.

Глава 8

Никогда ещё в городской центральной клинике не было так много разносортного народа. Очередь на вакцину не вошла бы целиком ни в один, даже самый огромный журнал для записей. Чтобы впустить всех, даже открыли два актовых зала и снабдили их скамейками. В очереди были и работники медицинского персонала, сами хотевшие защититься от болезни.

Мужчины, старики, женщины, дети – почти все с дешевыми лингафонами в ушах. Некоторые общались по ним. План старшего лаборанта Михаила работал пока что идеально и прямо по пунктам.

В кабинет зашла маленькая девочка. Фельдшер, непривычно атлетически сложенный для врача, обернулся:

– Здравствуй. Садись в кресло. Ты одна? У тебя есть мама?

– Маму убили – серьезно сказала девочка, поправляя рубашонку и устраиваясь в грязноватом кресле.

– Это нужно колоть прямо в голову. Чтобы злые микробы убежали, и ты никогда больше не болела! – нараспев произнес фельдшер, заполняя шприц серой жидкостью. – Будет больно, но если ты потерпишь, я дам тебе конфетку.

– Мой папа постоянно кушает конфетки – вдруг призналась девочка – а потом долго смеется и кричит непонятные

слова. А мне не разрешает.

Лаборант вздрогнул. Потом вздохнул и вонзил иголку чуть выше виска.

– Вот и все. Держи конфетку.

– И совсем и не больно – сказала девочка – меня папа бьет больше.

И вышла, плотно закрыв за собой дверь.

Глава 9

Краска на плакате, висящем на стене дома для ПКН, стекла, и теперь улыбка Игоря Расторгуева теперь больше напоминала звериный оскал.

Под ним шел человек, кутаясь в своем длинном плаще и казалось, ещё более длинном шарфе. Из уха торчал черный лингафон, провод змеей обхватывал шею.

Ему нельзя было ставить вакцину, так как у него была уже третья степень ретеолита. Ему оставалось лишь умереть, ничего кроме смерти. Человек не знал, что отказываясь от прививки, получает свободу и право индивидуальности...

Так часто бывает. Мы желаем то, о чем говорят как о хорошем, и страшимся того, о чем говорят как о плохом. Это и есть – пропаганда. Сначала люди не верят. Люди нарушают те правила, которыми сверлят черепную коробку. Но потом, через года, через века, в продырявленную голову начинает проникать кислород. И будущим поколениям уже ясно как дважды два, что плохо, что хорошо, кто у власти, а кто преступник, кто фашист, а кто демократ.

Пропаганда поступает со всех концов общества. В выборе какой-либо пропаганды серая масса имеет даже подобие выбора. Преступники призывают убивать выше стоящих, вышестоящие – преступников. Важно понять, что обе призывные речи отображают только хорошие стороны той или иной

борящейся стороны. На самом деле обычно оба фронта грязны, покрыты кровью и потом рабов.

Хотя фронта не два. Их намного больше, их десятки, сотни. Либералы, демократы, лютеранцы, католики, фашисты, националисты, коммунисты, социалисты, тамплиеры и бог знает кто ещё во всех исторических эпохах выставляли на трибуны говорливых человечков, размахивающих листовками с той или иной пачкой лозунгов. Фронты убивают друг друга, смывают с доски истории, копошась в бессмысленной борьбе за существование. И все это названо красивым словом – политика. Иногда – бизнесом, духом предпринимательства. Зараза эта ползет по миру уже добрых полторы тысячи лет.

А народ мечется. Народ не знает за кого выступать, их и без того запаренные мозги дико и неистово выпускают смрадный дым непонимания: кто из этих людей в пиджаках прав? Будущий президент – либерал, вчера изнасиловавший пятнадцатилетнюю девчонку, или анархист, убивший уже двенадцать полицейских, чьих-то сыновей и мужей?

На каждом углу орут: Я анархист! Я патриот! Мы монархисты! Мы за демократию! Зачастую, выбирая, люди сами не понимают за что, за какую политику они выступают, за какой режим поднимают оружие. И получают то, что было до предыдущей революции – расстрелы, казни, иногда публичные, иногда незаметные – был человек, сказал не то – и нет человека, погиб в каторжных лагерях или тюремных

цах.

Был Тайный Комитет Императора – стало НКВД. Было НКВД – в 90-х появились братки, потом появилось ФСБ. Потом – КОВД – Крательный Отдел Великого Диктатора. Сейчас – вообще непонятно что. Куда то, говорят, исчез президент. На пост премьер министра назначили кого то другого. А недавно и его – министра национальной безопасности – сняли с должности. Сейчас он шел в городской суд – в одной руке он держал пакет с документами, подтверждающими его невиновность. В другой – чемоданчик с намного более вещественным аргументом – пачками с 100 рублевыми бумажками, общей суммой примерно в 150 000.

Вдруг голову пронзила страшная боль, все покрылось красным туманом а перед глазами начали страшный языческий танец пятна ядовитого зеленого цвета.

С великим трудом он доковылял до первого попавшегося мед пункта для бездомных. Что было дальше – он не помнил. Вроде бы какой-то огромный человек сказал, что у него приступ ретеолита и ему нужна срочная операция. Ещё он видел, как привезли столик с непривычным снотворным серого цвета.

Очнулся он в палате.

Глава 10

– Санни активирован.

– Все системы работают нормально.

– Компьютер отображает два с половиной миллиона человек из трех.

– Где этот чертов миллион? Посмотрите списки, тех, кто вколол химикат.

– Смотрю списки, два миллиона восемьсот человек. А нет, Санни контролирует уже два миллиона шестьсот. Сегодня мы ещё будем принимать больных.

– Черт, жаль что все таки сделали не за день.

– Ну что же, Михаил, я вас поздравляю! Мы правим совершенно новым миром!

– О да, Вячеслав Андреевич! Это стоит отметить винцом из президентских погребов!

– Где ж его возьмешь, ведь одни химикаты...

– Хотите фокус, Вячеслав Андреич? Степан, вызовите сюда объект номер 17.

– Есть, товарищ старший лаборант!

В прокуренную насквозь комнату с несколькими включенными компьютерами вошел Господин Президент в дешевой серой сорочке и коротких узких брюках. И вообще весь он был какой-то серый. Бесцветные радужки глаз, серая кожа, пепельные волосы. Он стоял и тупо смотрел.

– Где находятся ваши винные погреба?

На компьютере отобразилась надпись:

Объект №17: О_т_в_е_ч_а_й_н_а_в_о_п_р_о_с.

– В подвале седьмой дачи на окраине города. Данные дачи принадлежат новому революционному режиму!!! – президент яростно вскинул зажатую в кулак руку.

Странный у президента был голос. Ни ударений в словах, ни эмоций, это выглядело очень дико и страшно.

– Хорошо №17. Сейчас мы поедем туда, и вы откроете нам погреб. Вы поняли приказ?

Объект №17: О_т_в_е_ч_а_й_н_а_в_о_п_р_о_с.

– Да, я понял.

Через полчаса черный автомобиль подкатил к дому ярко-зеленого цвета. Ворота для автомобилей распахнул человек в сереньком пиджачке. Несмотря на дождь он не делал никаких движений чтобы укрыться от непогоды. Из уха торчал лингафон. Над виском краснела ранка от недавней инъекции.

Объект №450 П_р_и_в_е_т_с_т_в_у_й.

Человечек у ворот поздоровался.

Михаил, Вячеслав Андреевия и Господин Президент, ныне объект №17, вышли из машины и направились к неприметной двери. Семнадцатый загремел связкой ключей отпирая большой висячий замок.

– Так, семнадцатый, ты остаешься здесь.

– Хорошо.

Михаил и Вячеслав, пригибаясь вошли в погреб.

– Вот так Слава, мы теперь и будем получать все от этого мира без малейшего сопротивления!

– Я всегда знал что вы гений, Михаил! Это же просто величайшая идея!

– Нет личности – нет проблем!

– Это точно. Какое вино предпочитаете?

– Бургундское, если угодно.

– Кажется там, на дальних стеллажах.

Михаил повернулся спиной к Вячеславу и принялся изучать бутылки. Через несколько секунд раздался громкий хлопок, и Михаил рухнул на пол, обрызгав какой-то жидкостью несколько штабелей бутылок с вином.

– Этот город принадлежит мне – просипел Вячеслав, опуская револьвер.

Глава 11

Вроде бы в повседневной жизни города Москвы ничего не изменилось. Все так же, как и всегда, шли по улицам, оставались у ларьков, покупали «Вечернюю» или «Дневную Фемиду», торчали на автобусных остановках, и спешили на пылящих вонючих машинах к месту работы.

Но в последнее время во всем этом появилась какая то неестественность. Прохожие шли по тротуару не как обычно – кто компанией, кто в одиночку, а стройными, ровными рядами, чуть ли не в ногу – проскальзывало ощущение, что толпу ведут на расстрел или проводится чудовищный конкурс по строевой подготовке.

У газетных лавчонок движение слегка разветлялось – одна колонна прохожих шла к ларькам, остальные бежали дальше. В ларьках сидели продавцы – тоже очень странные по поведению. Они механическими движениями выдавали газету, забирали деньги, прощались и просили посетителя выйти. В их глазах ничего не читалось.

Среди них, пытаясь идти в ногу, шагал человек, с головой, как бы невзначай полностью накрытой капюшоном плаща. И немудрено – лицо его уродовало клеймо в виде буквы У, сокращено от «убийца» полученное в самой страшной российской тюрьме.

Живым оттуда вырвался только он. И из последних сил

старался не вспоминать те 5 лет, просто вычеркнутые из общей суммы времени, отводящейся на существование. В самом крупном трущобном районе, бывшим скорее поселком – Дубки, все знали его как Зверя. Настоящее же его имя было Сергей Розинберг, которое печаталось во всех газетах, в колонке «Криминал» и «Их разыскивает полиция» За его голову на данный момент было назначено чуть меньше миллиона рублей.

А началось все просто. Он шел по улице. Вдруг увидел, как какой-то плюгавый парень домогается до девушки. Думать и рассчитывать Сергей тогда не любил, был горяч, молод, поэтому подошел и пригрозил парню ножом. Как-то очень быстро возникли копы, его схватили и упекли в холодное и сырое С. И. З. О. Только через пару недель Сереге удалось выяснить, что тот парень был сыном крутого начальника, и тот быстренько наката на него дело.

Так Сергей и попал в Центральную Московскую тюрьму, и чуть ли не с первых часов пребывания в коллективной камере его внесли в списки самых буйных заключенных. Через пару недель в общей драке был убит зек. Во всем обвинили Розинберга и кинули его в одиночный бокс, где нельзя было ни лечь, ни встать и куда каждый день через открываемую дырку в двери бросалась протухшая полоска ветчины.

В Боксе Сергей окончательно осатанел. Каждый день с дикими воплями молотил кулаками по стене, чтобы сохранить былую форму, и пытался перекусить или разогнуть сталь-

ную скобу, которая заменяла наручники. Надзирателей, стоявших рядом с дверью, он крыл такими матами, что вскоре его начали бояться все тюремщики, его просто считали сумасшедшим.

А однажды ему повезло. Рядом с тюрьмой проводились боевые учения. И то ли там что то не так бросили, то ли куда то не туда выстрелили, но тюремный блок №15 тряхнуло со страшной силой. И от ветхой стены бокса откололся длинный и довольно тяжелый кусок бетона.

Месяц потратил Сергей на то, чтобы частыми сильными ударами ослабить замок, висящий на двери. А затем был совершен первый успешный побег в истории Ц.М.Т (Центральной Московской тюрьмы) Как он прорвался через охранный кордон, как бежал по размокшему от дождя полю, как его подобрала, грязного, замерзшего, умирающего банда Свердловских байкеров-работоторговцев – он не помнил. Только две вещи освежали его память – широкий нож, отобранный у первого охранника, которого он убил, и две пули в груди.

Скорчив тупую безразличную мину (рядом была камера) Сергей толкнул дверь в бар «Русская Звездочка».

Это было единственное место в городе, где ещё могли выпить пивка нормальные люди. Бармен (не под химикатом) сколачивал на этом неплохие деньги.

Сергей подсел к стойке:

– Будь Здоров, Стасян.

– Тебе как обычно?

– Да, Ключевское.

Стас налил огромную пенящуюся кружку и подал Сергею.

Тот сделал глоток:

– Гадость.

– Другого нет. Тем кто под химикатом ведь пофигу что пить – хоть вино, хоть серную кислоту.

– Козлы они там все. Это ж надо было!

– Это да. Но хотя с какой-то точки зрения – ведь гениально.

Сергей взглянул на бармена не по доброму.

– И не пяль на меня свои zenки Серега. Ты же знаешь, ни одна из каст верной не бывает.

– Да, но ведь ты сейчас правительство защищаешь!

– Я его не защищаю, агитатор. Я просто даю трезвую оценку.

– Она у тебя не трезвая, она у тебя е*нутая

– Сергей, смирись уже с таким неисправимым экземпляром как я. И вообще – оценка зависит от точки зрения. А точек зрения – до крыши МГУ. Кстати, чуть не забыл! У меня есть важная новость! Но я на тебя обиделся, поэтому я тебе ничего не скажу.

– Стас, не будь идиотом...

– А ты помнишь, что было на прошлой неделе? Ты разбил бутылку Австрийского. И так и не заплатил.

– Брось, Стаска, откуда у меня деньги?

– А пистолет с глушителем тебе на что? Ограбь какой-нибудь банк, заодно выместишь свою ненависть к правительству.

– Ага, и мотануть ещё лет пять тюрьмы. Спасибо, уже нажрался.

– Но почему же...

– Потому что ты – бармен. И много не понимаешь. Сейчас грабить банк – смертельное дело, потому что в городе все под химикатом. Следовательно круг подозреваемых уменьшается на три миллиона человек. Из оставшихся выбрать не так уж трудно. И что все-таки за новость ты хотел мне сообщить?

– Идет слух, что власти выпускают новую модель полицейских роботов. Это будут хорошие, умные роботы, И у них будет специальный датчик, реагирующий на отсутствие химиката. Так что похоже придется прекратить прогулки по городу, а мне надо будет прикрыть заведение и залечь в какойнибудь яме. Если это конечно не придумки какие-нибудь.

– Кошмар. – он сделал несколько мощных глотков, но вдруг возникшее ощущение, что кто-то наблюдает за ним в окно, не исчезло.

– Ладно Стас, работай. А мне надо подумать. Будет проходить охрана – свистнешь.

– О, ты разрешаешь мне поработать? Ну хорошо. Надо будет ещё Ключевского – не дам, и так уже на полторы тыщи вылакал.

Сергей привалился к стене. Ему было противно. С появле-

нием химиката исчезли все бары, библиотеки, театры, остались только несколько офисов, заводы, фабрики, «Звездочка», и преступные трущобные районы, территории которых уменьшались с каждым днем благодаря кропотливой работе Капиталиата и Санни – электронной системы, управляющей страной а теперь ещё и роботами, добывающих нормальных людей.

Кальвинизм призывает людей к отсутствию радостей в жизни, отсутствию праздности, яркой одежды, ярких характеров – идеальный человек в понятии Жана Кальвина должен просто верить и работать, работать и верить. Сейчас в Москве – абсолютный кальвинизм, за исключением одной детали – Кальвин призывал работать для того, чтобы наживать богатство, которое он не считал грехом, а здесь не может быть богатства – людям без личности все равно на свои доходы и расходы. Они не копят, не оставляют на черный день, потому что его нет. У них нет ни завтрашнего, ни сегодняшнего, ни вчерашнего дня – у этих людей есть только приказы. У них нет даже естественных потребностей – есть и срать могут только после команды Санни.

А реальные люди? Им скоро станет невыносимо выживать в Москве нового типа. Никаких развлечений, никаких искусств, фильмов, никакой культуры, получения знания, никакого участия народа в политике – только побег, только выживание и в конце – смытый в канализацию труп. Но хотя есть и другой путь – лучше или хуже ли он смерти – решать

лишь вам...

Можно просто прийти в любой медпункт якобы с мучительными болями. Буквально через несколько минут у вас найдут ретеолит, и положат на первую и последнюю операцию. Последнее, что вы увидите, пребывая в обычном человеческом сознании – это столик, медсестру и шприц серого цвета. А дальше – только приказы. Больше ничего.

Сергей вздрогнул, недопитое пиво пролилось на пол. Ему стало страшно.

– Что же вы натворили... пробормотал Зверь, и его голова, одурманенная алкоголем, упала на грудь.

Глава 12

– Зверь!!! Атас!!! Копы со спецгруппой – они тебя вычислили!!!

Сергей по привычке, привитой пятью годами тюрьмы, лишь краем ещё спящего мозга почуяв неладное, нырнул под стол и только там открыл глаза.

В «Русской Звездочке» царила паника. Отбросы общества, мирно выпивающие ещё пару минут назад, прятались по всем щелям, дверь хлопала от бегущих, а с улицы уже были слышны крики пойманных и вой сирены...

– Стаска, я в «нору»

– Да не успеешь, они у ворот! Давай в подвал, только ради бога, не шевелись там! И да, на вот, спрячешь гденибудь – и бармен вытряхнул в руки Сергея несколько пачек с героином. – Беги уже! – завопил он не своим голосом.

Сергей прыгнул в открытую дверь, обрушив какой-то хлам как раз в тот момент, когда в бар, гремя автоматами, ввалилась спец группа.

– Полиция Москвы! Всем оставаться на местах!

– Офицер, ты че? Что ты пугаешь людей, здесь выпивают, культурно время проводят, а не...

Несколько силовиков уже связывали его руки специальными тросами с замками, а пареньки с дутыми мышцами лишали боеспособности и возможности побега тех, кто

не успел выбраться из бара.

Стаса повалили на колени и наградили пинком в подбородок.

– Мы знаем, что в этом баре останавливался Сергей Розинберг, известный как Зверь, опасный преступник, вводящий саботаж и смуту в новый режим! Так же нам известно, что и на данный момент Зверь находится здесь, в помещении бара! Где он, мать твою!?

Бармена ещё раз ударили. Стас молчал. Он набивал себе, а точнее Сергею, цену. Ждал, за сколько Зверя продадут.

– Если вы поспособствуете нам в поимке этого преступника, «Русская звездочка» станет легализованным заведением.

– Он мой друг – прохрипел Стас, выплюнув кровь, а вместе с ней и пару зубов.

– Хорошо – полицейский с одной звездочкой на погонах нагнулся и взмахнул бумажником – сколько вы хотите?

– Десять тысяч. И снижение цен на вино.

Полицейский выписал чек и протянул Стасу. Тот изучил чек, затем махнул головой на подвал. Тут же несколько человек ввалились за дверь. В подвале началась страшная возня, затем послышался звук выстрела и все стихло. А затем случилось то, чего никто не ожидал – из подвала вылетел окровавленный Сергей Розинберг. Как пантера он в прыжке сбил с ног одного из полицейских, прорывав:

– Стас, я убью тебя!!!

И выбежал на улицу.

Глава 12

Объект №1000278 Н_е_й_т_р_а_л_и_з_у_й

П_р_е_с_т_у_п_н_и_к_а.

На Сергея почти у дверей набросился огромный детина, быстро свалив его на землю. В глазах парня застыла эмоция – эмоция собаки, исполняющей приказ.

«Хорошая штука – Санни» подумал Розинберг, оглушая детину большим куском кирпича, в обилии валявшихся во-круг бара. Затем поднялся и рванул вперед.

Объект №1000789 Н_е_й_т_р_а_л_и_з_у_й

П_р_е_с_т_у_п_н_и_к_а.

Объект №1000567 Н_е_й_т_р_а_л_и_з_у_й

П_р_е_с_т_у_п_н_и_к_а.

Объект №2000434 Н_е_й_т_р_а_л_и_з_у_й

П_р_е_с_т_у_п_н_и_к_а.

Через секунду Сергей дрался уже практически со всей улицей. Женщины старики и дети, повинаясь голосу Санни, скрылись в магазинах.

Со стороны трущобных кварталов раздался знакомый Сергею адский вой – нищие почуяли возможность почесать кулаки и урвать лишний кусок. Вскоре на улице Карла Маркса шла чудовищная бойня.

Сергей уже не видел, кого и куда он бьет. Пнул в чью-то коленную чашечку... Под кулаком хрустнула чья то челюсть...

Пропустил ощутимый удар в голову, другой, третий, но-

ги подкосились, его пихнули, кто то напрыгнул на него сверху...

Розинберг вдруг с разгону рухнул в темноту.

Глава 13

Очнулся Сергей в камере СИЗО. На мгновение его даже задела мысль – а не попал ли он в петлю времени, о которой писала в колонке «наука и фантастика» «Вечерняя Фемида». Но быстро пришло понимание, что это не фантастическая трансмагория, а суровая и пахнущая только что отлитым железом действительность.

Эти серые стены скоро заменят Зеленые. Из всех щелей будет дуть, а из одного угла со стоящим ведром для нечистот будет вонять. Потом когонибудь, может быть его – будут с матом окунать в это ведро, потом будут драки в столовой, и унижения, которые были изобретены и успешно эксплуатируются только в одном месте – тюрьме.

– Розинберг! На допрос! Без вещей.

Ладно хоть без вещей. Недельку он ещё тут побудет. Сергей встал и уже без понуканий надзирателя сложил руки за спину.

Уже знакомая комната для допросов с непрозрачным стеклом с одной стороны и небольшим квадратным отверстием с другой. Оттуда торчало все тоже дуло штурмовой винтовки.

– Имя, Отчество, Фамилия.

– Сергей Иванович Розинберг, более известен как Зверь.

– Возраст.

– Тридцать Три. А может тридцать пять. Не знаю.

– Предыдущее дело, за которое были осуждены на заключение в колонну строгого режима.

– Покушение на представителя власти.

Сергею уже было наплевать, что с ним сделают, куда отправят: в Воркуту, Москву или Волгоград. Сценариев развития дальнейших событий ровно столько же, сколько сейчас в стране находится тюрем. И ему все равно. Уже нет у него сил бороться. Куда то бежать. Господь, в которого он когда то верил, за какие-то пять лет отнял у него все что у него имелось, а когда он, ободрав руки в кровь, вернул единственное что ему нужно – свободу, Саваоф опять сбросил его с горы вниз головой. И вот он опять летит, летит на дно, чтобы больно удариться и разбить себе все кости. Даже если он и в этот раз выберется, куда бежать? Все города под химикатом, он под прицелом власти, его легко поймать, легко вычислить. Ему можно скрыться в трущобах, а чем трущобы лучше тюрьмы? Там те же люди, только на свободе. Уж лучше удариться шеей об угол и так и умереть. Вот это, пожалуй, было бы неплохо.

– В следствии нововведений в политике и режимном правлении на вас будет наложен особо-тяжкий вид наказания: вы будете заключены в один из наших дубликатных боевых костюмов и отправитесь вместе с роботизированной ликвидационной группой в трущобный преступный центр Дубки для зачистки от нелегально проживающих в центре граждан...

Радужки глаз у следователя были светло серые, зрачки – маленькие, не выделяющиеся. Следователь тоже был под хмикатом. Санни контролировал и двух охранников на входе, и проходящий мимо патруль – все эти люди отличались только формой, внешность и выражение лица у всех было одинаковое. Сергею в очередной раз стало страшно.

Он в принципе не понял, что сказал ему следователь про наказание.

Что за костюмы?

что за трущобы?

Его подняли и опять повели по сильно освещенным коридорам. Мелькали зарешеченные двери временных камер, несколько зарешеченных маленьких окон, зарешеченная лестница, ведущая на второй этаж, где располагалось начальство. Зверя даже начала смешить этот одинаковый везде узор «в клеточку». Затем конвоир зачем-то опять вывел Сергея под холодный ливень. Его посадили в машину с двумя другими заключенными. О дальнейшем передвижении можно было судить только по вихлянию прицепа и по всплеску луж под колесами.

Надев наручники, его вытолкнули из машины перед военными складами на Красной площади. Затем повели внутрь. Внутри сидел одноглазый хмурый человек, одетый в костюм охранника, имевший ядовито-зеленый цвет. за его спиной открывалось нечто. Темные ряды роботов, держащие в своих руках автоматы, со светящейся щелью вместо глаз и пока

что неподвижной детали, напоминающей камеру, на голове робота. Это, наверное и был датчик обнаружения химиката в крови предполагаемых целей.

– Добро пожаловать в новый мир, заключенные – прокаркал одноглазый – Видите этих роботов? Это стандартный образец, базовая модель. Для вас мы изготовили костюмы, полностью копирующие внешность этих красавцев. То же оружие, те же возможности, но внутри – вы! Вас вместе с другими дронами отправляют в зону боевых действий, и никто даже не подозревает, что внутри не груда микросхем, а живой человек! Простой и непыльный способ избавляться от людей, простой и непыльный! – и одноглазый захохотал.

А к Сергею уже подкатывали тележку с лежащей в ней грудой запчастей. С него сняли наручники, но тут же поставили к голове крупнокалиберный пистолет:

– Одевай, живо!

Сергей понял, что сейчас нельзя и пытаться сбежать – на выходе грузовик, и и здесь, и там полно охраны. Зверь молча принялся соединять застёжки и натягивать детали на свое сильное, мускулистое тело. Вскоре перед полицейскими и одноглазым предстал ещё один, но только уже оживший робот. Линия заменяющая глаза, светилась зловещим синим светом.

– Ваш автомат является обычным оружием и особых указаний к использованию не требует.

Глава 14

Дорожный знак с надписью «Дубки» покосился и почти упал на землю. Надпись на нем уже не читалась. Рядом со знаком – две грязные колеи, когда-то бывшие шоссейной дорогой. А дальше простирался огромный вал из мокрого грунта и мусора, скрывающий тысячи грязных лачуг, сделанных из фанеры и листового железа. Между лачугами сновал и копошился весь сброд города Москвы и окрестностей. Преступники, скрывающиеся от светлого ока закона, нищие, неудачники эмигранты, когда-то сокращенные рабочие (в том числе почти вся легендарная артель №3, некогда поднимавшая один из самых мощных в истории саботажей), ничего не умеющие бездельники, дураки, инвалиды и сироты. Но на заре эпохи правления Капиталиата эти люди имели даже свою прелесть перед подавляющей серой толпой – они были свободными, их разуму ничто не угрожало, они имели личность – и этот факт непоколебимо поднимал их на ступеньку выше обычных работяг, гниющих в городе под химикатом.

За валом сидели двое совсем молодых парней, которым в эту дождливую ночь (хотя последние два года все ночи и дни были дождливыми) было поручено следить за дорогой, на которой в любой час, в любую минуту могли появиться военные с одной только целью – уменьшить площади тру-

щобных районов путем уничтожения их обитателей.

Одного звали Матвей, другого Степан. Оба не знали сколько им лет, что в этих местах случай обычный, но судя по только начавшим густеть козлиным бородам и усам им только перевалило за восемнадцать. Степан был вооружен карабином с наскоро примотанным, собственноручно изготовленным подобием оптического прицела, из которого сейчас он и оглядывал окрестности, поминутно протирая линзу растянутым рукавом недавно найденной на свалке сорочки. Матвей имел при себе винтовку с необычайно редкой вещью – настоящей оптикой, правда вся разметка была кривовато нарисована маркером. Матвей кутался в длинный плащ, пахнувший фекалиями и псиной – была его очередь греться.

Степан дернул напарника. Капюшон, который тот старательно натягивал поглубже на голову, упал обратно.

– Чего тебе, у**ок – несмотря на то, что они со Степкой часто ходили на стену вместе, друг друга они недолюбливали: Степа был трусоват, Матвей жадноват и туп, и все эти качества никак не хотели уживаться вместе.

– Там

– Твою мать...

– Четыре перделки и один мотеход.

Общались парни на грубейшем жаргоне, развивавшемся в районах гетто в течении десятков лет. «Перделка» означало «грузовик для перевозки солдат», «мотеход» соответственно «мотоцикл с коляской и увеличенными колесами для про-

хождения по бездорожью»

– Пошли, народ предупредим!

И Степан с Матвеем, мелькая дырявыми подошвами, побежали запутанными переходами.

Глава 15

Странная это была выгрузка – ни шуток, ни напутственных речей. Полное несоответствие старым американским фильмам про армию. Были только четкие команды Санни. Сергей впервые услышал голос могучей электронной системы.

Дрон №4 0101000101010101010101010101

Дрон №5 1001011010101010101111010111

Объект № [номер не определен] Д_в_и_г_а_й_с_я_к_с_т_е_н_е

И стоило Сергею сделать хоть один шаг в сторону, хоть на миллиметр уйти от намеченного пути и стратегии, голову пронзала боль, а конечности сковывал искусственно вызванный паралич – состояние, схожее с приступом ретеолита в тяжелой стадии и изначально предназначавшееся для отлова тех, кто вставил в ухо лингафон, но не вколол химикат.

Дроны бесшумно подбежали к стене, абсолютно синхронно встали в круг, закрывая того, кто устанавливал взрыватель. Сергей по команде Санни остался вне черты круга периодически оглядывая окрестности в тепловизор.

Вдруг он заметил, что, прячась за кучами мусора, специально наваленных для большей конспирации, перебегают грязные, похожие скорее на скелеты, чем на живых людей жители трущоб, с висящим на груди оружием. Они ещё

не знали, на что сейчас напорятся, и Сергею хотелось закричать, предупредить что не надо, не надо вкладывать патроны в ствол и целиться в эти бездушные головы, наивно думая, что это обычные хрупкие каски... Что стреляя, они привлекают к себе смерть, гибель всему поселку Дубки...

Объект №3000975 У_б_е_й_в_ К_о_г_о М_о_ж_е_ш_ь_ П_о_п_а_с_т_ь.

«Не могу, хоть они и омерзительны, это моя семья!» кричала душа Сергея, пробиваясь на свободу сквозь стальную броню чертового костюма, сковывающего разум и волю. Но Санни уже вливал в кровь яд, заставляющий людей падать за смертью, и мысль о котором должна превращать нормальных людей в безвольных солдат Капиталиата.

Сергей поднял автомат и дал очередь. Три человека свалилось, остальные успели нырнуть в какие-то щели. По щекам Сергея текли слезы, и он стрелял, стрелял...

Грохнул взрыв, земляно-мусорная стена просела и рухнула. Тут же семь черных фигур прошмыгнули в образовавшуюся дыру. Сергей в три прыжка нагнал своих спутников.

Там их уже ждали. Очевидно кто то успел разведать о подходе роботов и сообщить. Сергей увидел два старых ржавых пулемета: «Максим» и «Дегтярев». А спереди и с боков их уже обступала черная толпа с бледной волной озлобленных лиц. В головы и тела ботов целились больше двух десятков стволов.

– Че приперлись, а?

– Твари железные – просипела женщина одетая в тряпки цвета пыли.

Один из железных солдат молча вытащил из специального отсека гранату и бросил в толпу. Улица наполнилась воем и криками, толпа смялась и прижалась к стенам домов. Никто не стрелял. Раздался хлопок, несколько человек свалились замертво.

Объект №3000975 У_б_е_й_ П_р_е_с_т_у_п_н_и_к_о_в
И снова очередь, очередь по невинным, ничего не знающим ни о Капиталиате, ни о химикате, ни о роботах людям. Они падали – и вместе с ними падали и частички души Сергея, разрываемой на куски чертовой компьютерной программой.

А вот и первый выстрел. На груди одного из роботов появилась небольшая вмятина – и только. Как будто все ещё не поняв всю безнадежность того, что они делают, вся улица наполнилась пальбой беспризорников. Их перекрывали громкие и действенные очереди автоматов роботов, которые уверенно шли вперед, наступая на только что убитые трупы...

Закаркал пулемет, ему немедленно вторил второй. Это произвело большой эффект – один из роботов вдруг зашатался и свалился в размокшую жижу. Казалось все Дубки заполнились диким победным воем, но он тот час же перешел в дикий крик отчаяния и страха – Сергей, повинувшись голосу, выпустил взрывающийся патрон в лачугу, на крыше которой

стояли оба пулемета. Под обломками погибла последняя надежда отверженного племени нищих и калек...

– Убил!!! Убил!!! Отца моего убил, гад!!! Убил!!! Убил!!!

Удары такой мощи и сокрушительной силы наносят только в предсмертной судороге раненые, стремящиеся отомстить за свои мучения. Его ударил парень, ещё безусый, совсем моложавый, каким то острым и длинным куском металла. Камера оказалась повреждена, шлем прогнулся и больно врезался в темя и лоб, а парень с той же неугасающей яростью и огромной силой бил, бил его по стальной шкуре, скрывающее ранимое тело...

Неожиданно он понял, что не может управлять обоими ногами. Очевидно паренек задел какой-то чип, отвечающий за эту зону кибер костюма. Зверь повалился на колени, продолжая вслепую наносить удары.

Снять шлем. Снять шлем, его узнают, и тогда он возможно выживет.

Розинберг специально рухнул на живот, встреченный во-ем толпы и протянул руки к узлу, соединяющему все детали костюма в единое целое.

– Что, трясешься? На! На! Он отца моего убил, убил!!! Убил!!!

Так, вот и заветная кнопка. Рука Зверя судорожно сжалась и шлем откатился в сторону.

– Пашка стой!!! Это человек!!!

На Сергея вдруг очень резко, сплошной зеленой (черт

возьми, почему зеленой, прямо как флаг дружественной страны Иордании?) пеленой рухнуло серое, дождливое небо.

Глава 16

– Вот на хрена ты ему по башке то е**нул, не факт что он щас ваще встанет.

– Да он моего отца убил! Если б твоего батю кокнули, ты бы тоже небось ему рожу то раскрасил. Да хуже – ты б его наверна ваще убил! А я вот этого щас добыю! Я как теперь без отца?

– Степа! Где героин? Я все пакеты с травой пересчитал.

– Сколько? Восемь?

– Неа, семь.

– Куда восьмой дел? Я точно помню что было восемь! Чо мы теперь Куцому скажем, каждый раз из-за тебя недосчет, г*вна ты кусок!

Вот под такие местные разговоры в грязном, провонявшем канализацией подвале и очнулся Сергей Розинберг, он же Мясник, он же Бельга, он же Зверь, а в Дубках часто называемый просто У**ок, осуждаемый по статьям 30 (покушение) и 313 (побег).

– О, проснулся.

– Ну и за**ись! Мочить приятнее будет!

– Э,э,э ребята, стоять! Вы какая банда?

Степан, Пашка, и ещё несколько человек, находящихся в подвале, переглянулись.

– Какая банда, говорю, мать вашу, оглохли?!

Этот говор парни понимали:

– Кровники.

– А я из Альянских – соврал Зверь: на самом деле он был во враждующей с кровниками банде, но парням об этом знать было не обязательно.

– Че ты дуешь тут, ты легал! Альянский он, блин...

– Да я не дую, я...

– Стой, Степка! – окликнул пожилой нищий, перебирающий пакеты с амфетамином – У Альянских всегда татуировка на спине есть. Орел, и в лапах череп, а в зубах у черепа – пластинка с надписью «Альянс».

Розинбергу быстро и бесцеремонно разодрали футболку, оголив мускулистую спину, покрытую огромным количеством татуировок – в молодости любил это дело, даже сам эскизы рисовал. Татуировки с орлом не оказалось, что немедленно было зафиксировано ударом по почкам – в назидание, чтоб больше не врал. Затем его обшмонали, отобрали каким-то чудом завалявшиеся в кармане брюк деньги и мятые листочки, затем сняли сами брюки и вышвырнули на улицу, дав с собой только погнутый нож.

Раздобыть одежду труда не составило – сергей просто подбежал к первому встречному, ударил его ножом и раздел, напялив все на себя. Одежда оказалось вшивой, но выбирать не приходилось – суровая жизнь трущоб вбила в Сергея несколько заповедей, в том числе «Дают-хватай».

Спустилась ночь. Дождь из холодного перешел в ледяной.

Усталый, голодный, избитый (на какой-то улочке на него навалились сразу пятеро вдрызг пьяных беспризорников) Сергей Розинберг, он же Мясник, он же Бельга, он же Зверь заполз в какую подворотню, соорудил нечто вроде крыши из пары железных листов и заснул, замотав голову промокнутой толстовкой. Спал Зверь тем крепким, здоровым сном человека, которому уже не о чем беспокоиться и нечего терять.

Глава 17

Эй ты, как там тебя...

– Бочка.

– Бочка, плесни мне пива.

– А че взамен?

– Ну хошь героин, 50 грамм?

Бочка вороватым движением хапнул пакетик и побежал за угол какой-то постройки – вмазывать. Сергей протер бутылку, и в который раз за день приложился к горлышку. Он спивался. Просто и откровенно – бухал. Ему нечего было делать. Некого ждать. Всех его друзей убили, родственников своих он не помнил. Выйти в город не мог – здесь ему нужно было скрываться как минимум месяца четыре. Вот и скрывался – сидел в грязной лавчонке с несколькими наспех сколоченными столиками и глушил душу, тело и разум тошнотворным синтетическим пивом.

А из-за чего он спрашивается, он тут сидит? Из-за чего в бывшем поселке Дубки ютится весь преступный свет Москвы и области, по уши в грязи, нищете и смертельных болезнях? Из-за чего они сюда попадают и из-за чего не могут выбраться? Даже Господь не в силах помочь этим несчастным! А все почему? За всем стоят политики – чертов Капиталиат и его собаки роботы, лишаящие личности и разума тех кто там, в городе! За что? Чем мы согрешили, что

опустились до такого?

Тут Сергей понял, что почти кричит на весь бар и не без усилий закрыл рот.

Нет, думал он, а перед глазами уже мелькали какие то неясные и жуткие очертания. Они не были в праве забирать у него и у всего народа жизнь и свободу, право думать и чувствовать, превращать их в рабов.

Он помешает этому. Разрушит этот мир и голыми руками построит новый, совершенный. Он сделает это. Он не избранный, бог не указывал на него своим перстом и не упоминал его имени в священных книгах таинств. Но он попробует вскорабкаться на эту стену. Он всем ещё докажет! Он изменит политику, воздвигнет новый режим, его первый камень!

Убил!!! Убил!!! Отца моего убил!!! Убил!!! Убил!!!

Сергей попробовал всать со стула, но зашатался, свалился под стол и завыл жалобно, тоскливо. Затем голова его упала на грязный истоптанный пол и Сергей потерял всякую способность соображать и двигаться в каком бы то ни было направлении.

Он очнулся... непонятно, через сколько он очнулся, часов он лишился ещё до того, как его посадили. Молча встал и преодолевая боль и стыд вышел, вытирая рукавом натекавшие на лицо и одежду слюни.

Идея, взбудоражившая мозг во время похмелья, не покинула разум Сергея. Она отбила в нем какой-то свой уголок, и поселилась в нем, посылая короткие позывные по нерв-

ным окончаниям. Ведь он действительно может что то поменять. В Дубках есть не только тупые и озлобленные нищие и преступники. В нем есть и те, кто попал в гетто не по своей воле. Он помнил по своим прошлым посещениям, что где-то в дальних районах (точнее – в дальних подвалах) скрывается знаменитое Научное Отделение Института Математики и Физики – интеллигентные академики и наивные студенты, которых выпнули тогда ещё президентский комитет за распространение запрещенки. Вот это – люди. Пообтесавшиеся здесь, огрубевшие но – настоящие люди. А одни укажут на других. Так он и будет искать людей для своей банды, которая со временем вылезет отсюда. И пойдет на Москву. И вырубит Санни. И растреляет Капиталиат. А дальше... Что будет дальше Сергей не думал. Он просто шел мимо нищенских лачуг в дальние районы – разыскивать Научное Отделение Института Математики и Физики – ныне банду «исписанные мелом» или просто «Мелы».

Глава 18

Андрей расслаблялся после долгого учебного дня в институте – ноги на пуфике, пятая точка в кресле, с одной стороны кальян, с другой – джойстик от дорогой приставки. Она управляла героем одной из редких компьютерных игр, оставшихся после войны. Компьютерный супергерой – майор Джетт – рвал в клочья тела и разносил головы инопланетянам по одному шевелению джойстика.

Андрей был сыном пока ещё негласного главы Капиталиата Вячеслава Андреевича Ежова. У него было все – учеба в лучшем институте города (правда он в нем не учился: там были вещи и поинтереснее, например дочка заместителя главы Капиталиата имевшая третий размер груди) отдельная квартира, кальян из чистого золота, бронированный спорткар с тонированными стеклами. Однако несмотря на хорошую жизнь, большие деньги в кармане, и большие учебники в сумке был он пошляк и был он эгоист. Не сказать что был глуп, просто нигде не приводилось проявлять особо свои умственные способности. Часто баловался травкой – немного, грамм двадцать пять, не больше, и где то раз в месяц со своими приятелями. И ещё у него было невероятно редко встречающееся, и если и встречающееся, то только у детей очень богатых людей чувство – чувство абсолютной безнаказанности и защищенности. От института до дома и от дома до ин-

ститута его споровождали два вооруженных телохранителя. Когда он выжимал из своего спорт кара максимальную скорость, пронесившиеся мимо полицейские только услужливо улыбались, а некоторые и отдавали честь. Ему все было можно, у него были права, но не было обязанностей.

Сегодня ему нужно было заскочить к папе на работу, взять денег. Немного – тысяч десять, что бы было на что отвести одну из многочисленных подружек в ресторан. Андрей накинул плащ от дорого бренда, военные сапоги со шнуровкой (среди золотой молодежи такого рода выпендреж был в большом почете), набрал код на бронированной двери своей пятикомнатки и вышел на улицу. Добежав до своей машины, плюхнулся на сиденье и гаркнул:

– К центральному управлению Капиталиата!

Через полчаса стильный автомобиль с нарисованным на боку быком остановился около огромного, только что построенного, блещущего симметричными линиями стекла и металла здания с гербом над парадным входом – змея, оплетающая крест, напоминающий крест вермохта – но красного цвета. Внизу шла надпись «Истинный патриот отдает себя в руки власти» на латинском.

Уже знакомыми коридорами Андрей прошел по высоким галереям с полукруглыми прозрачными потолками и вошел в средних размеров комнату, скрывающуюся за незаметной дверью. Обычно здесь Вячеслав Андреевич отдыхал в перерывах между политической работой.

Хапнув деньги, лежащие на столе, Андрей вдруг (никогда с ним такого не было) обратил внимание на наспех брошенные бумаги. Взял одну, расправил и углубился в чтение.

Это был приказ по зачистке заброшенного по ненадобности и заселенного нищими бывшего продуктового магазина. Для этого нужно было выслать отряды роботов №14 и 15.

Андрею раньше никогда не задумывался о том, что за вещь – трущобы и гетто. Почему эти люди – там. Чем они занимаются. Каким газом дышат. Единственные его знания о тыльной стороне мира заключался в просмотре фильма «Надпись на стене». По сюжету этого второсортного боевика главный герой – житель трущоб и гангстер с классической внешностью – платок с египетским рисунком, крупнокалиберный пистолет, узкая майка. Это парень в течении всего фильма уходит от копов и «борется за справедливость». Все это выглядело очень круто, после просмотра этого фильма все некоторое время мечтали стать бандитами. Но узнать, что происходит *там* на самом деле – никому в голову почему-то не пришло.

И тут к Андрею невзначай закатилась мысль, и она все разрасталась, занимая всю площадь его головы.

А что если сходить в трущобы? Просто побродить. Посмотреть, как они там живут, эти нищие. Ну а что такого? Если что – он сын главы Капиталиата, его вызволят если он куда-нибудь не туда попадет. А если не попадет – то никто ничего и не узнает.

Его план все креп. Он отодвинул один из ящиков стола и вытянул из него тяжелую металлическую коробку. Оттуда он медленно достал подаренный отцом на день рождения револьвер с восемью патронами. Вряд ли он когонибудь убьет. Но пушкой можно отогнать бандитов.

Глава 19

Машина подъехала к заброшенному торговому центру. Ветер уныло выл в дырах и пустых, как щели от выбитых зубов, оконных проемах. Дождь нещадно хлестал своими ледяными тонкими цепями по чахлым деревьям, бетонному покрытию под ногами и по телу Андрея.

Он стоял и просто смотрел на чернеющую громаду здания. Оно выглядело пустым, но ведь там была жизнь, там как тараканы, ползала особая каста людей, неведомая Андрею. И сейчас, когда он войдет туда, все изменится. Он познает новую для него сторону мира. Новый край жизни.

Андрей сделал несколько шагов. Ему было холодно и страшно. Ещё шаг. Ещё. Здание было странно тихим, хотя это очевидно – гетто приходится скрываться. Он затаил дыхание и вошел в проход... И ничего такого не случилось. Он открыл глаза. Темень. Только исписанные из балончика стены да какая-то груда тряпок и мусора в углу.

– Изыди, Сатана, изыди!!! О-о-о-о!!!

Андрей подпрыгнул чуть ли не до потолка. Он увидел, как из груды мусора высунулась страшная, худая, посиневшая рука и тут же безвольно опустилась на пол. Затем рука стала судорожно дергаться, а из под мусора раздавались дикие вопли. Очевидно лежащий полагал, что попал в преисподнюю, и эти мысли вызвал какой-то тяжелый наркотик. Андрей

дрожа, прошмыгнул в дверной проем, распугав здоровенных крыс, поблескивающих красными злыми глазенками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.